

КОРОЛЕВСКАЯ
ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

Книги Джеффа Уилера,
выходящие на русском языке

Серия «Кингфонтейн»
Королевская отравительница
Дочь вора
Предатель короля

Серия «Клятва Муирвуда»
Изгнанница Муирвуда
Тайнознатицы Муирвуда
Бездна Муирвуда

КОРОЛЕВСКАЯ ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

ДЖЕФФ УИЛЕР

Карьера Пресс
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-445
УЗ6

Перевод с английского — Наталья Резанова

The Queen's Poisoner (The Kingfountain series, Book One)
Jeff Wheeler

Первая публикация: 47North, Seattle, 2016

Уилер Д.

УЗ6 Королевская отравительница (Серия «Кингфонтейн», книга первая) / Джефф Уилер [Пер. с англ. Н. Резанова]. — М.: Карьера Пресс, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-00074-268-6

Джефф Уилер — автор романов-фэнтези, бестселлеров Wall Street Journal и Amazon, переведенных на восемь языков, проданных тиражом три миллиона экземпляров. Он основатель знаменитого электронного журнала Deermagic («истинное фэнтези и научная фантастика»).

«Королевская отравительница» — первая из трех книг серии «Кингфонтейн» (продано миллион экземпляров, серия — бестселлер Wall Street Journal).

Король Северн Аргентайн окружен зловещей славой: узурпировал трон, погубил прямых наследников, не щадит инакомыслящих. Герцог Кискаддон решил выступить против короля и проиграл. Теперь герцог Кискаддон вынужден отправить своего младшего сына Оуэна во дворец короля в качестве заложника. От лояльности отца будет зависеть жизнь сына.

Пытаясь найти друзей и ускользнуть от вездесущих шпионов Северна, Оуэн учится выживать при дворе. Но когда появляются новые доказательства вины его отца, которые грозят гибелью и Оуэну, у Оуэна не остается никакого другого выхода, кроме как завоевать благосклонность короля — любым, пусть даже самым нелепым способом. И только один-единственный человек может помочь Оуэну в его почти безнадежном деле: таинственная женщина, скрывающаяся во дворце и обладающая настоящей властью над жизнью, смертью и роком.

Text Copyright © 2016 Jeff Wheeler

© 2020, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Линкольну

Атабирион

Женива

ОКСИТАНИЯ

Кередигион

Кередигион

Северная
Камбрия

Восточный

Кингфонтейн Стоу

Таттон Холл

Бистоун

Западная

Марка

Святилище

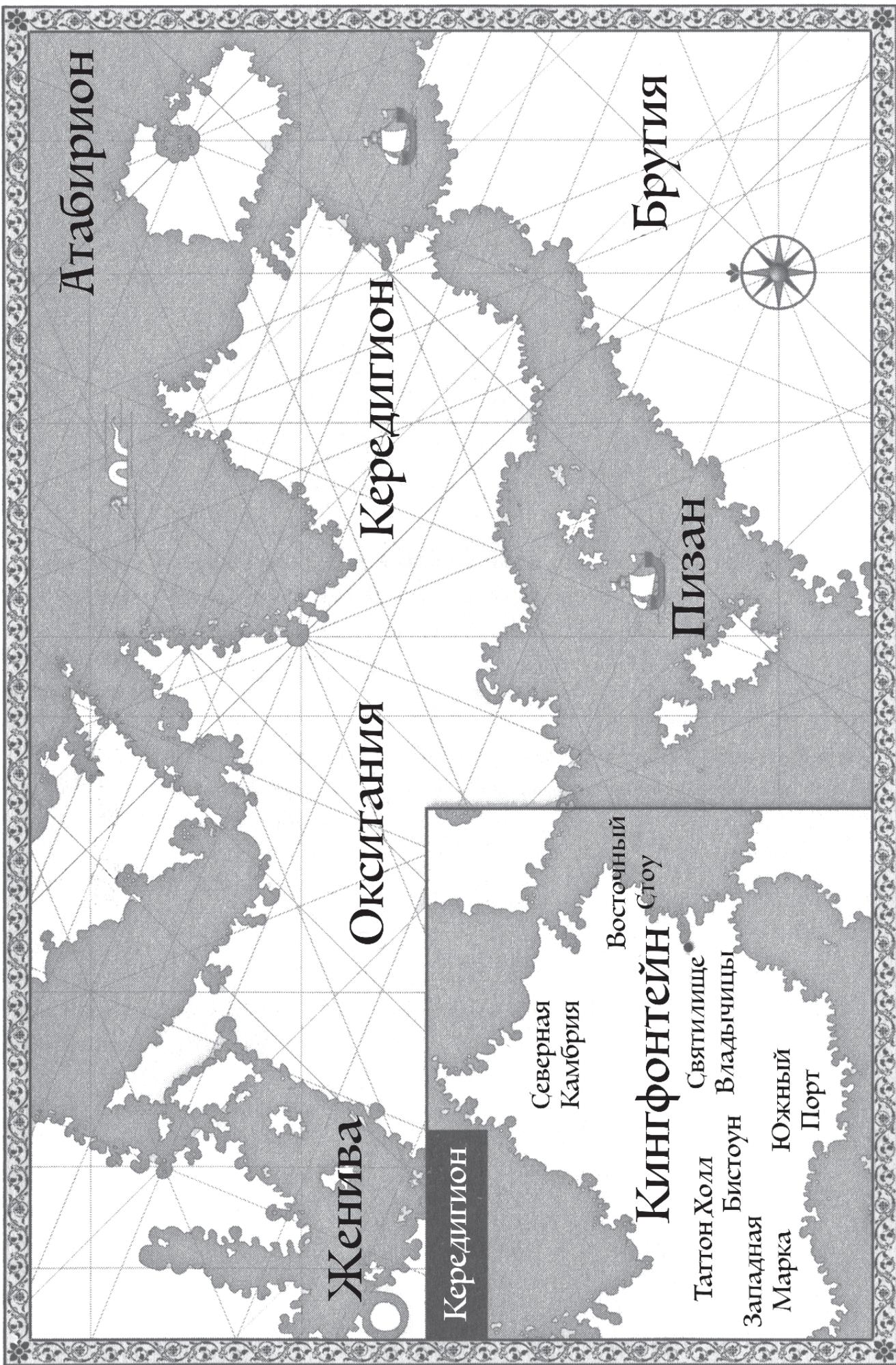
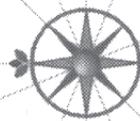
Владычицы

Южный

Порт

Бругия

Пизан

Персонажи

Династия Аргентайн

ЭРЕДУР АРГЕНТАЙН, предыдущий король Кередигона. Умер при загадочных обстоятельствах

ДАНСВОРТ АРГЕНТАЙН, средний брат Эредура, обвинен в государственной измене и казнен; оставил сына того же имени, который находится во дворце под опекой короля

СЕВЕРН АРГЕНТАЙН, король Кередигона, младший из братьев. Узурпировал трон у сыновей Эредура, которые пропали без вести и предположительно убиты

ЭЛИЗА АРГЕНТАЙН, старшая дочь Эредура

Лорды Кередигона

ЛОРД КИСКАДОН, герцог Западной Марки

ЛОРД ХОРВАТ, герцог Северной Камбрии

ЛОРД АСИЛОМАР, герцог Восточного Стоу

ЛОРД ЛОВЕЛ, герцог Южного Порта

ЛОРД РЭТКЛИФФ, мастер-шпион, глава королевской Разведывательной службы

ЛОРД БЛЕТЧЛИ, поддержал захват трона Северном, мастер-шпион, казненный за измену

Итак, была битва, и битва выиграна. Имелись весьма дурные предчувствия относительно шансов короля на победу. Несмотря на его многолетний боевой опыт, наличие верных друзей и стоящих за ним ресурсов Кередигона, многие предполагали, что претендент победит. Конечно, не обошлось и без предательства. Предзнаменования были явлены на воде. Герцог Кискаддон запретил своим людям участвовать в битве на чьей-либо стороне несмотря на то, что его старший сын был заложником короля. Дурное решение для герцога. Его сын после победы короля был казнен через водопад. Какая еще месть обрушится на герцога-предателя, я могу только представить. И хихикаю про себя. Зрелище доставит мне безмерное удовольствие.

Славься, король-горбун!

Доминик Манчини,
шпион у Владычицы Потока

Глава первая

Герцог Кискаддон

*Л*еди Элеанор сидела у окна своих покоев, нежно поглаживая голову сына, лежавшую у нее на коленях. Оуэн был ее младшим ребенком, едва выжившим после рождения. Он был хрупким восьмилетним мальчиком, хотя выглядел младше. Волосы у него были темно-каштановые, густые и неукротимые, несмотря на все усилия их причесать, и ей нравилось скользить по ним пальцами. Над его левым ухом виднелась небольшая прядь белых волос. Братья и сестры часто спрашивали, почему он родился с белой меткой в темных волосах.

Этот знак отличал его. Мать считала это напоминанием о чуде, которое произошло после его рождения.

Он пристально смотрел на нее своими темно-кариими глазами, словно понимая, что она беспокоится и нуждается в утешении. Он был ласковым ребенком, всегда первым бросался в ее объятия. Будучи совсем мал, он ласково повторял: «Маменька, папенька, маменька, папенька», сидя на коленях у родителей или обнимая их. Больше всего на свете любил прятаться в постели родителей после того, как они просыпались поутру, дабы украсть исчезаю-

шее тепло. Он оставил эту милую привычку в возрасте шести лет, но не перерос обнимашки и поцелуи, и ему всегда хотелось быть рядом с родителями, особенно с отцом, лордом Кискаддоном.

Мысли о муже заставили желудок леди сжаться от беспокойства. Элеанор выглянула в окно, из которого открывались великолепные сады Таттон-Холла. Но вид аккуратно подстриженных живых изгородей, уступчатых лужаек и пенящихся фонтанов не приносил ей утешения. За день до этого произошло сражение, и она все еще ждала известия о том, кто победил.

— Когда вернется папенька? — спросил тихий голос.

Сын смотрел на нее так серьезно.

Вернется ли?

Поле битвы страшило ее больше всего на свете. Ее муж уже не был молод. В свои сорок пять лет он был скорее государственным деятелем, чем генералом. Она взглянула на пустую стойку для доспехов у кровати с балдахином. Шторы были открыты, показывая аккуратно расправленные покрывала. Муж всегда настаивал на том, чтобы кровать заправлялась. Какие бы тревожные известия не поступали от королевского двора, ее муж отдыхал душой от простых повседневных ритуалов. Хотя порою он часами лежал без сна, размышляя о судьбе Кередигона, наедине с ней, в этой кровати с балдахином, он все же обретал покой.

— Не знаю, — прошептала Элеанор. Ее голос звучал хрипло.

Она продолжала гладить густые волосы сына, пальцы задержались на белой пряди.

Ее муж был вызван в королевскую армию, чтобы противостоять с оружием в руках вторжению, а старший сын был заложником у короля, чтобы обеспечить верность отца. Перед битвой до нее дошли слухи, что королевская рать превосходила своих врагов из расчета три к одному. Но исход боя определит не математика, его определит верность.

Северну Аргентайну было трудно служить. Его язык был подо-

бен бичу, оставлявшему кровавый след каждый раз, когда он говорил. За два года, прошедшие после того, как он отобрал трон у детей своего старшего брата, воздух королевства пропитался интригами, изменами и казнями. Шептались, что дядя убил своих племянников во дворце Кингфонтейн. Возможность этого заставила Элеанор дрожать от ужаса. Она, мать девятерых детей, не могла вынести мысли о такой жестокости. Только пятеро из ее детей пережили ранние годы, потому что все они были слабого телосложения. Иные из сыновей и дочерей умерли в младенчестве, и каждая новая потеря разбивала ей сердце. А потом родился последний ребенок, маленький Оуэн. Ее чудо.

Ее дорогой, вдумчивый мальчик все еще смотрел ей в глаза, словно мог читать мысли. Ей нравилось ловить минуты, когда он играет в одиночестве, смотреть из-за полуоткрытой двери, как он, стоя на коленях, раскладывает плитки, прежде чем опрокинуть их. Она часто заставляла его в библиотеке за чтением. Она уже не помнила, как научила его читать, он был тогда так мал. Кажется, он научился этому сам, как научился дышать, просто вдыхал буквы и слова и без труда разбираал их в уме. Но, хотя он был исключительно умным ребенком, он все еще оставался ребенком. Он любил бегать по саду со своими братьями и сестрами, любил присоединиться к погоне за белой лентой, привязанной к шесту, через лабиринт изгороди. Конечно, конечно, при этом он мог начать дышать с присвистом, но это его не останавливало.

Она никогда не забудет горя, испытанного ею, когда королевская повитуха объявила, что младенец родился мертвым. Он не издавал ни крика, ни плача, сопровождавших рождение остальных детей Элеанор. Он пришел в мир окровавленным и безмолвным — полностью сформированным, но бездыханным. Потеря последнего ребенка, ее последнего ребенка — она знала, что он последний, опустошила ее. Слезы ее мужа смешались с ее собственными, когда они оплакивали потерянное дитя.

Неужели ничего нельзя сделать? Найти слова утешения? Применить какое-то средство? Повитуха что-то тихо напевала и, коснувшись поцелуем нежного сморщенного личика, предложила им проститься с ребенком вместе — как муж и жена. Лорд Кискаддон и леди Элеанор обхватили младенца, кутая его в покрывала постели, и плакали, обнимая и целуя его. Тихонько говорили с ним. Рассказывали ему о своей семье и о том, сколько бы он получал любви и как он им нужен.

И тогда произошло чудо.

Это вмешался Поток, леди была в этом уверена. Каким-то образом малыш услышал их мольбы. Мертвый ребенок моргнул. Элеанор была так поражена, что подумала, будто ей мерещилось, но муж видел то же самое.

Глаза открылись.

— Что это значит? — спросили они повитуху.

— Возможно, он очнулся на миг, чтоб попрощаться, — тихо сказала она.

Но мгновения обернулись часами. Часы стали днями. Дни стали неделями.

Элеанор погладила густые волосы мальчика. Он улыбнулся ей, как будто он тоже это припомнил. Подарил беглую лукавую улыбку, осторожно прижимаясь к ее коленям. Ресницы его дрогнули.

— Маменька! Маменька! — Джессика, ее четырнадцатилетняя дочь, вбежала так поспешно, что светлые кудряшки подскакивали. — Это папенька! Он едет сюда вместе с гостем!

Сердце Элеанор сжалось от удивления и наполнилось надеждой.

— Ты его видела?

— С балкона! — Взгляд Джессики был полон возбуждения. — Его лысина блестела. С ним лорд Хорват. Я тоже его узнала.

Бессмыслица какая-то.

Лорд Хорват управлял северными границами королевства. Ее

муж правил на западе. Они были пэрами королевства, равными. Зачем Стив Хорват сопровождает его в Таттон-Холл? Укол беспокойства поразил ее сердце.

— Оуэн, ступай с сестрой, чтобы поприветствовать отца, — сказала Элеанор.

Мальчик вцепился в ткань ее платья, его взгляд внезапно насто- рожился. Он медлил.

— Ступай, Оуэн! — настойчиво повторила она, поднимаясь с сиденья у окна. Она уже выходила, когда Джессика схватила маль- чика за руку и потянула за собой к дверям.

При вести о возвращении герцога усадьба переполнилась вол- нением. Слуги любили его, даже нижайшие из низших чтили до- бросердечного хозяина.

Элеанор ходила взад-вперед, ей казалось, что ее кожу колют иглами, сердце выскакивало из груди. Она была ближайшей со- ветчицей мужа. До сих пор ее советы благополучно проводили его сквозь водовороты интриг, уже столкнувшие благородные дома королевства в нескольких жестоких войнах. Что-то изменилось?

Она услышала стук сапог, поднимающихся по лестнице. Элеа- нор сжала руки и прикусила губу, с ужасом ожидая новостей. Он жив! Но что со старшим? Что с Йорганоном? Он отправился на войну вместе с отцом и королем. Почему Джессика не упомянула его?

Муж вошел в комнату, и с первого взгляда она поняла, что ее сын мертв. Лорд Кискаддон был уже не молод, но его лицо обычно сохраняло мальчишеское выражение, заставлявшее забыть о лы- сой макушке и окружавшей ее седине. Он был крепким челове- ком, который мог без усилия проводить часы в седле. Но сейчас его челюсти были сжаты, лицо небрито, и печаль в глазах отняла его молодость. Ее муж скорбел. И не только из-за смерти стар- шего сына. Она сразу поняла, что у него есть вести, которые были даже хуже.

— Ты дома, — выдохнула Элеанор, бросаясь в его крепкие объятия. Но его хватка была такой же слабой, как у котенка.

Он поцеловал ее в макушку, и она почувствовала, как он дрожит.

— Йорганон мертв, — сказала она, надеясь, что это неправда, но зная, что это так.

— Да, — хрипло ответил он, прижимаясь губами к ее волосам. Потом отстранился от нее и уставился в пол.

— Что случилось? — взмолилась Элеанор, хватая его за руку. — Скажи мне самое худшее! Я не могу видеть, как ты страдаешь, супруг!

У него были слезы на глазах — а он редко столь откровенно проявлял чувства.

— Король... победил. Сражение назвали битвой при Амбионском холме. Сражение висело на волоске, Элеанор. На волоске. Еще мгновение, и дыхание ветра могло изменить все. Слабенький ручей мог все перевернуть. Я хотел бы... если бы ты была там, чтобы дать мне совет... но тебя не было! — Лицо его исказилось, и он умоляюще уставился на нее: — Прости меня!

Элеанор чувствовала, что ее ноги дрожат.

— За что? — Она задохнулась.

Он стиснул зубы так плотно, что губы побелели.

— Хорват командовал королевским авангардом. Его людей жестоко теснили. Казалось, что он может потерпеть поражение. Король приказал моей армии поддержать армию Хорвата. — Он покачал головой, как будто вернулся в тот решающий момент, когда все можно было потерять или победить: — Я отказался.

— Что? — выдохнула она.

— Король — последний из династии. Его единственный сын умер год назад. Затем умерла его жена — как говорят, отравлена. Казалось, что король осужден Потокком и обречен на поражение при Амбионе. Мы оба верили этому, иначе никогда бы не...

— Тссс! — украдкой предупредила Элеанор, взглянув на дверь.

— Мы подозревали, что новый король будет милостив к нам, если мы не будем вмешиваться. В тот опасный миг я верил, что армия короля погибнет. Северн пригрозил убить Йорганона на месте.

Герцог ударил себя по лбу, его слова заглушили рыдания.

— Что я наделал?!

Элеанор бросилась к мужу и крепко обняла его. Он был мудрым и умелым человеком, но такие качества не помогали ему ориентироваться в политике двуличного двора короля Северна. Вот почему он так часто искал ее совета. Она тоже надеялась, что правление Северна будет коротким. Да, она посоветовала своему мужу поддержать короля. Но не поддерживать его слишком старательно. Медлить, делать вид, что не понимает приказов. Она прикусила кончик пальца и тихо произнесла:

— Но армия короля все-таки одержала победу. А теперь он считает тебя предателем.

— С того места, где я находился, казалось, что Хорват будет уничтожен. Его люди лишь вяло отбивались. Никто не рвался защищать Кередигон от захватчиков. Но затем король призвал своих рыцарей и сам вступил в бой. Все изменилось, когда они пошли в атаку. Я это видел, Элеанор. Их было всего лишь двадцать... может быть, тридцать рыцарей, но они неслись как потоп. Как будто Поток управлял ими. Они крушили копья и мечи. Сам король спешил своего противника, а затем спрыгнул с раненого коня и убил того мечом. Захватчики роились вокруг него, но он сражался так, словно у него была сила дюжины человек. Они разбежались, и при виде его триумфа люди Хорвата словно стали демонами! — Его глаза расширились от шока и изумления. — Северн сам одержал победу. Даже с его хромой ногой и горбом никто не мог его остановить. Я едва успел, чтобы присоединиться к битве, и помог захватить пленных. Корона короля упала с его головы во время боя,

и я нашел ее в кусте боярышника. Я сказал ему... Я сказал ему, что был верен. — Его лицо побелело.

Элеанор почувствовала, что ее колени бессильно подгибаются. Она вцепилась в мужа, как будто они одни на острове и волны моря обрушиваются на них, пытаясь втянуть в прибой. В ушах звенели его слова.

— Король приказал казнить Йорганона. Он насмеялся надо мной, сказав, что, возможно, у меня в запасе есть еще сыновья. И поэтому он послал Хорвата со мной, чтобы передать послание: «Так говорит король Северн Аргентайн леди Элеанор Кискаддон: выбери другого сына в заложники, чтобы жил он во дворце Кингфонтейн под опекой Его Величества. Докажите свою верность и послушание. Выберите сына, который будет поручителем вашего дома».

Леди Элеанор упала бы в обморок, но ей каким-то образом удалось удержаться на ногах. Она посмотрела на мужа.

— Я должна доверить этому человеку одного из своих детей? — Ее сердце сильно билось в груди, и она дрожала от тяжести горя. — Этому... этому... мяснику?

— Стив Хорват прибыл, чтобы отвезти ребенка в Кингфонтейн, — сказал герцог, его взгляд был полон страдания. — Если мы не сделаем выбор, он немедля казнит всю нашу семью за измену.

Леди Элеанор рыдала на груди мужа. Это был выбор, который ни одна мать не в силах сделать. Должна ли она пожертвовать одним ребенком, чтобы выжили остальные? Но король Северн был безжалостен и хитер. А если выживет только тот ребенок, которого она выберет?

Она горько плакала и не могла думать. Кого она обречет на эту участь? Почему ей предоставили выбор — разве не для того, чтоб усилить ее страдания? Она ненавидела короля. Все в ней бушевало от ненависти. Как она может тут выбирать? Как она пере-

даст одного из своих мальчиков человеку, который убил сыновей собственного брата? Руки короля настолько замараны кровью, что она, вероятно, капает везде, где он ступает.

В своем горе она не слышала, как открылась дверь и раздались тихие шаги. Она не замечала ничего, пока руки Оуэна не обвились вокруг ног родителей.

Он обнял их обоих так сильно, что, хотя она и не слышала слов, понимала, что он по-детски пытается утешить их.

Тише, тише, маменька, папенька! Тише, тише, все будет хорошо, маменька, папенька. Тише, тише!

Она смотрела на своего сына, своего невинного сына. А потом всколыхнулось воспоминание.

Воспоминание о королевской повитухе, которая спасла ему жизнь.

Ее грудь сжалась от вдруг вспыхнувшей мысли. Возможно, она могла бы послать секретное сообщение в святилище Владычицы, мольбу о спасении мальчика, который был спасен прежде. Она сумела бы переносить разлуку, отчаяние, пока могла цепляться за нить надежды.

Она знала: эта нить — все, на что она могла рассчитывать.

Кередигионцы — исключительно суеверные люди, и это делает их величайшими глупцами из всех, кто рожден женщинами. Они сохраняют древнюю веру в силу воды, исходящую из легенд, которые уже никто не помнит. Все это чушь и чепуха. Они строят огромные святилища на берегах рек. Святилище Владычицы на самом деле построено посреди реки, под завесой живописного водопада. Эти святилища гарантируют защиту от законов. Многие преступники обитают в этих убежищах, окруженных зеркальными прудами, журчащими фонтанами и прелестными садами, — воруют днем и спят по ночам под защитой святилищ. Их называют людьми Потока. А все из-за древнего суеверия, что привилегия святилищ должна сохраняться, пока реки текут и воды падают. Именно среди этих мерзавцев у Владычицы я коротаю дни, наблюдая за врагами короля. Иногда я ненавижу свою работу. С ними так скучно!

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава вторая

Герцог Северной Камбрии

Оуэн любил играть и мог часами развлекаться один — раскладывая плитки в ряд перед тем, как их сбить, двигая солдатиков, марширующих на войну, или читая. В кругу семьи он был общителен, и, когда дело дошло до того, чтобы драться на деревянных мечах, он нередко заставлял плакать других, даже своих сестер. Но если он оказывался в одной комнате с незнакомцем, он прятался за креслом и следил за чужаком настороженным взглядом, пока тот — или та — не уходил.

Именно так он смотрел на лорда Хорвата. Теперь, когда герцог покинул Таттон-Холл, Оуэн ехал, сидя позади него в седле, испуганный и настолько потрясенный, что не смог бы ни с кем говорить, даже если бы попытался. Когда они уезжали из дома, слезы матери блестели на щеках, и он гадал, сможет ли когда-нибудь говорить снова.

Таттон-Холл был его миром, и он знал все его уголки — от подвала до чердака. Были части поместья, которых он побаивался, — в винном погребе было темно, и там странно пахло, но были и тайные места, которые знал только он, убежища, где он мог спря-

таться. И никто бы его не нашел. Сады были обширны, и он проводил там бесчисленные дни, наслаждаясь простыми удовольствиями — бегать по траве или валяться на груде листвы, наблюдая, как ползают по земле муравьи и божьи коровки. Ему нравилось, как божьи коровки втягивают лапки, становясь похожими на мелкие камешки, которые он мог катать на ладони. А потом, когда он замирал, они снова выпускали лапки, и он позволял им ползать по своей руке.

Оуэн любил природу и прогулки, но дома ему нравилось еще больше. Книги его очаровывали, и ощущение от вида букв очень напоминало щекотку от божьих коровок, ползающих по руке. Когда он читал, то словно переносился в некую волшебную страну, откуда его нельзя было дозваться ни шепотом, ни криком. Он читал все, что мог заполучить в свои маленькие руки, и все запоминал. Его книжный голод никогда не утолялся, а любимыми были рассказы о подвигах тех, кто благословлен Потокком.

Таттон-Холл исчез вместе со стуком копыт. Прежней жизни пришел конец. Хорват твердо сидел в седле, ни о чем не говоря с мальчиком, пока они ехали вместе, разве что порой спрашивал, голоден ли он, или не хочет ли пить, или не нужно ли ему сходить по нужде, когда они останавливались, чтобы дать отдохнуть лошадям.

Герцог не был высоким, и он был старше отца Оуэна. Из-под черного бархатного берета виднелись густые седые волосы, коротко остриженные, и такая же седая бородка клинышком. На его лице было строгое угрюмое выражение, сообщавшее Оуэну, что ему вовсе не нравится сопровождать восьмилетнего мальчика через все королевство и хочется, чтобы это задание было выполнено настолько быстро и безболезненно, насколько это возможно. Герцог был почти так же молчалив, как Оуэн, в то время как рыцари его свиты перешучивались между собой и за ними было куда как интереснее наблюдать.

У всех дворян королевства были гербы и девизы. Оуэн особенно гордился своим родовым гербом, который знал всю жизнь. Герб Дома Кискаддона назывался Аурум: на ярко-синем фоне три золотых оленьих головы с острыми рогами, похожими на шипы. Герб Хорвата — на красном фоне золотой лев со стрелой в раскрытой пасти. Оуэну это не понравилось, потому что ему все время казалось, что льву больно. У герцога был герб на камзоле, и его знаменосец, который ехал сразу за ними, нес штандарт с тем же изображением, объявляя всем, кто они такие и что следует держаться подальше. Поскольку рыцари были вооружены и луками, и мечами, Оуэн держал рот на замке более чем по одной причине.

Мальчик потерял счет времени, пока они ехали. Прошло несколько дней. Каждое утро на рассвете герцог расталкивает его и хмуро ведет к коню. Оуэн молчит. Герцог молчит. И так до самого Кингфонтейна.

Когда Оуэну было три года, он приезжал в столичный город Кередигона вместе со всей семьей. Прошло столько времени, что у него сохранились только смутные воспоминания. Но когда они приблизились к городу, эти обрывки воспоминаний начали сливаться воедино, и все вокруг стало казаться отчасти знакомым.

Что поражало в Кингфонтейне, так это то, что он был построен у широкой реки как раз в том месте, где суша резко уступила место яростному водопаду. Не важно, высок или низок был уровень воды в реке, водопад никогда не пересыхал. Посреди реки стоял большой остров, где было построено святилище Владычицы Потока. Огромные валуны и скалистые камни выступали из водопада, на некоторых виднелись деревца, умудрявшиеся цепляться за камни, как ни старалась их смыть пенящаяся вода.

Оуэн знал, что святилище получило имя из древних легенд, но ни одна книга не была способна объяснить это так подробно, как ему хотелось. Манускрипты, которые он пытался прочитать, чтобы узнать больше, были полны рыцарей, сражений и раздроб-

ленных королевств, которых больше не существовало, были слишком затянутыми и слишком скучными, чтобы удерживать его интерес.

У святилища были две прочные башни и ряд арок, которые возвышались над задней стеной здания. С арок всегда стекали водяные потоки, превращая святилище в точную копию самого водопада. На одном берегу реки лежал город с островерхими крышами и дымящими трубами. Городской шум — блеянье коз, мычание волов, скрип колес телег и повозок — был едва различим сквозь постоянный рев водопада. На другом берегу реки, на возвышенности, стоял дворец, рядом с которым Таттон-Холл казался бы игрушкой.

Каменный мост соединял дворец с островом, а несколько деревянных мостов соединяли остров с главным берегом и остальной частью города. Это было захватывающее зрелище, и Оуэн приподнялся в седле, чтобы лучше разглядеть. Грохот водопада можно было услышать за много миль, постоянный шум воды, который звучал как непрерывный шторм.

Дворец был построен на зеленом холме, окружен рощами, имел много ярусов и террас, с зубчатыми стенами. Над башнями, которых было не меньше дюжины, реяли королевские знамена. Оуэн мог видеть сады и деревья, возвышающиеся над древними каменными стенами, и его неопытному глазу казалось, что замок простоял тысячи лет. Тем не менее фасад был очищен от плюща и лозы, за ним явно ухаживали.

Итак, это его новый дом. Король призвал Оуэна жить во дворце под своей опекой. Старший брат Оуэна Йорганон тоже некоторое время жил в Кингфонтейне. И теперь он мертв. Поэтому маменька и папенька так сильно плакали, когда Оуэн уезжал? Дворец не ощущался домом. Он казался монументом, пережитком веков, опасным местом.

Когда они въехали в город, трубы у ворот оповестили об этом,

и Оуэн обнаружил, что на него глядят сотни незнакомцев. Некоторые смотрели на него с жалостью, это заставляло испытывать еще большую неловкость, и он прятал лицо в плаще герцога, чтобы скрыться.

Их проезд сопровождал стук копыт по булыжникам и вездесущий шум от водопада. В конце концов Оуэн снова выглянул и уставился на лавки и толпы людей.

Он вглядывался изо всех сил, неспособный осознать всю громадность этого места, совершенно ошеломленный из-за шума и растерянности. Он пытался подавить свои чувства, но обнаружил, что плачет. Его сердце разрывалось от грусти, что никого из родных не было рядом, чтобы утешить его. Почему его выбрали, чтобы отправить в Кингфонтейн? Почему не кого-то другого?

Хорват услышал его всхлипы и повернулся в седле, взглянув сверху вниз.

— В чем дело, мальчик? — резко спросил он, его борода вздернулась.

Оуэн посмотрел ему в глаза, боясь что-либо сказать, а уж тем более раскрыть свои истинные чувства. Он пытался сдержать слезы, но от того они лились еще сильнее. Он ощущал, как они катятся по его щекам. Оуэн был несчастен и одинок, и, хотя события последних нескольких дней казались кошмаром, он начинал понимать, что этот кошмар — его новая жизнь.

Герцог помахал одному из своих рыцарей:

— Принеси парню маффин. Вон оттуда.

— Да, милорд, — сказал рыцарь и поехал вперед.

Оуэн не хотел маффин. Он хотел вернуться в Таттон-Холл. Но ничто не заставило бы его признаться в этом. Он сильно дрожал, цепляясь за герцогский плащ, чувствуя тошноту, доходящую до костей, от одного взгляда на пронзенного стрелой льва на гербе. Конь продолжал идти шагом, пока рыцарь не вернулся и не протянул Оуэну румяный маффин с крошечными темными семечками.

Оуэн не хотел есть, он принял маффин без слов благодарности и крепко сжал. Сдоба была мягкой и крупнее его ладошки, а исходящий от нее сладкий запах напомнил кухню дома. Вскоре рыдания утихли, и Оуэн вытер мокрый нос рукавом. Маффин продолжал искушать, мальчик наконец сдался и откусил кусочек. На вкус это было как пирог, и семечки немного хрустели на зубах. Оуэн никогда раньше такого не пробовал, но это было восхитительно, и он проглотил все.

Они добрались до одного из мостов, ведущих к святилищу, и Оуэн оживился, ведь им предстояло пересечь такую могучую реку. Что, если мост размоет, пока они будут переходить, и все погибнут в водопаде? Он улыбнулся этой мысли, представляя, как это было бы забавно. Волны реки били по деревянному мосту, вызывая головокружение, усиленное тяжестью маффина в желудке Оуэна. Он крепче сжал плащ герцога, вслушиваясь в стук копыт.

Хотя они достигли острова, на котором располагалось святилище, не было никакой необходимости входить в святые земли. Во дворе святилища толпились люди, и некоторые прижались к воротам, чтобы посмотреть на свиту герцога. Все они были неопрятного, нищенского вида, и глазели на Оуэна с явным любопытством. Он глянул на них, прежде чем снова скрыть лицо в складках плаща герцога.

Они быстро пересекли маленький остров и направились прямо к каменному мосту, что вел к замку. Башни были такими высокими и островерхими, подумал Оуэн, что могли бы порвать облака, как пузыри, если бы облака спустились пониже. Среди реющих флагов были изображения как королевских львов Кередигона, так и личный штандарт короля — герб, который он так и носил после вступления на престол. Белый вепрь. Оуэн всегда считал свиней дружелюбными существами и любил их, но фигура вепря с мощными клыками на черном поле внушала страх.

— Почти прибыли, парень, — бросил герцог.

Конь миновал мост, а потом пологий склон холма. Коричневые стены замка выглядели скорее дружелюбно, чем зловеще, но это впечатление разрушило то же изображение белого вепря. Вдалеке виднелась башня. Более стройная, чем другие. Она напоминала кинжал. Оуэн вздрогнул.

Они миновали подъемный мост, ворота и вошли во дворец. Это был королевский двор, но он находился не в самом сердце королевства, это Оуэн почерпнул из карт и книг, которыми владел его отец. Скорее они были ближе к востоку, и река впадала в океан в нескольких лигах отсюда. Корабли могли подниматься вверх по реке до порта, и затем груз перекладывался на мулов и доставлялся по дорогам в город. Замок был защищен рекой, защищен холмом, защищен самим Потокком.

Конюхи забрали лошадей, и Оуэн обнаружил, что идет по огромному каменному коридору. Мерцание факелов рассеивало мрак. Окон было немного, и было прохладно и сумрачно, несмотря на летнее тепло снаружи. Оуэн смотрел на знамена, гобелены, вдыхал запах горящего масла, кожи и стали. Он шел рядом с герцогом, его живот скрутило от страха. Он проходил по этому коридору в раннем детстве. Странно, что он это запомнил. Он знал, что они приближаются к большому залу.

К ним подошел высокий мужчина, намного моложе герцога, с рыжеватыми волосами под черным шапероном. Он был одет в черный камзол с серебряными разрезами на рукавах, сверкающими драгоценными камнями. У него была походка вечно спешащего человека, очень короткая козлиная бородка, и хотя он был выше, чем герцог, но казался меньше.

— О, Стив! Я понял, что ты приехал, когда услышал трубы. Таким образом, таким образом, король сейчас спустится! Мы должны поспешать.

— Рэтклифф! — поприветствовал его герцог, слегка кивнув.

Герцог шел, как шел, но торопливость встреченного ими человека вызвала у Оуэна желание пойти побыстрее.

Этот тип, Рэтклифф, беспокойно потирал руки.

— Хвала Потоку, мы все пережили битву, — сказал он себе под нос. — Я должен был сомневаться, но был уверен. Это щенок Кискаддона, а? — Он презрительно посмотрел на Оуэна и хмыкнул. — Выбрали самого младшего. Как будто это поможет. Король в ярости, можно себе представить. Его нога до сих пор болит от боевой раны. Врачи говорят, что это излечимо, но вы знаете, он не может стоять на месте! Хотелось бы, чтобы мы убедили его перестать ходить туда-сюда, чтобы он оправился. Какие новости из Западной Марки?

Выражение лица Хорвата не изменилось.

— Я доложу королю, — коротко ответил он.

Рэтклифф нахмурился, его ноздри раздулись.

— Как хочешь. Храни свои секреты. Король предоставил мне разрешение набирать еще больше шпионов. Если жена пекаря пожалуется на короля за завтраком, я буду знать об этом еще до вечера. Ага. Пришли. — Он величественно повел рукой, когда они вошли в большой зал.

Взглянув в открывшееся перед ним огромное пространство, Оуэн едва не споткнулся о ковер и с трудом удержался на ногах. Он смотрел на огромные знамена, свисающие с балок, огромный потолок, поддерживаемый решеткой из бруса, и сумрачные окна высоко в стенах. Через них проникало немного света, но его было недостаточно, чтобы обеспечить тепло или уют. Несколько слуг сновали по комнате, неся посуду и фляги с вином, и в очаге пылало пламя. Четыре фонтана оживляли каждый угол тронного помещения, но сам трон был пуст.

— Где король? — спросил Хорват.

— Придет, придет. Мы ждем ради его удовольствия, а не нашего.

Рэтклифф выглядел почти легкомысленно возбужденным, как будто он собирался поесть вкусного. Оуэн посмотрел на него с беспокойством, наполовину скрывшись за герцогом Хорватом.

Потом послышался звук. Топот сапог, но шаг был неровный, почти запинаящийся. Оуэн подкрался, прячась за герцогом, чтобы увидеть, как один из слуг открыл дверь. Трубач поднес рог к губам и выдул несколько пронзительных тонов, объявив, что входит король Северн Аргентайн, победитель битвы при Амбионском холме.

Страшный владыка Кередигона.

Все в зале с почтением встали.

Старший брат короля Эредур — до самой смерти — был приятным, дружелюбным человеком. Сильным и смелым и, сказать по правде, большим любителем женской красоты. Он был старшим из четырех братьев, двое из которых сейчас мертвы. Король Северн — самый младший, последний наследник великого дома, который правил веками. Родился он искореженным, как дубовый корень. Он равен своему брату по силе и смелости, но у него нет ни капли его мягкосердечия. Говорят, язык короля острее его кинжала. Порезавшись однажды, я с этим согласен.

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава третья

Король Северн

Тень прошла под неверным пламенем факела, когда король проковылял в зал. Именно тень на полу Оуэн увидел сначала, и его глаза расширились от растущего ужаса. Вот он, человек, который вызвал его в Кингфонтейн. Король, которого все боялись.

Король Северн шагнул вперед неверной походкой, его лицо искажилось от гнева, или боли, или того и другого. Что с самого начала поразило Оуэна, так это чернота его одежды. Его высокие черные сапоги были обшиты множеством пряжек, а двойная строчка из золотой ленты вдоль швов изображала цветы остролиста. Его черный кожаный камзол, украшенный бархатом и шелком, едва скрывал черную же кольчугу, которая слегка позвякивала, когда он хромал. Длинная золотая цепь обозначала его статус. Поверх рукавов были прочные черные кожаные наручи, а руки стиснуты в сильные жилистые кулаки, один из которых сжимал рукоять кинжала, прикрепленного к поясу. Черный плащ из тонкой ткани трепетал при ходьбе, не скрывая искривленные позвоночник и плечи. Они делали его походку неровной, но он шел слишком быстро, чтобы увечье могло ему помешать.

Он отмахнулся, нахмурившись, как будто фанфары раздражали его слух, а затем поднялся на помост, вызывающе хромя, и рухнул на трон.

При решительной позе короля легко было не заметить, что одно плечо у него выше другого. Его поза почти скрывала это, особенно когда он опирался локтем на подлокотник и придерживал подбородок указательным и большим пальцами. У него были длинные черные волосы, без единого проблеска седины, заправленные под черный берет с жемчужиной, свисавшей с королевского герба. По какой-то причине Оуэн ожидал, что король будет седовласым и бородатым. Северн не был ни тем ни другим. Лицо короля было бы красивым, если бы не гнев, который, казалось, искажал все его черты. Он вздохнул и бросил взгляд на собравшихся.

— Ваше величество, — сказал Рэтклифф, расшаркиваясь в поклоне.

Лорд Хорват склонил голову, лишь чуть поклонившись.

— Вон! — рыкнул король, пренебрежительно махнув слугам, которые сунулись к нему с серебряными подносами. Слуги порскнули прочь и покинули зал.

Король посмотрел на герцога, а затем, казалось, заметил Оуэна, прячущегося за ним. Когда взгляд темных глаз упал на Оуэна, у мальчика скрутило живот. Он не сможет говорить. Он слишком напуган.

— Она послала младшего, — пренебрежительно сказал король. Его губы презрительно скривились. Он фыркнул. — Я удивлен. Ну, они сделали свой ход. Теперь мой черед. — Он подвинулся на сиденье, морщась от боли, которую причинило ему это движение. Лево́й рукой он до половины вытащил кинжал из ножен, а затем толкнул его обратно. Этот жест поразил Оуэна, тем более когда он повторился.

— Даже Хорват удивился, увидев вас на ногах, сир, — учтиво

сказал Рэтклифф. — Раны еще причиняют вам боль, мы все это видим.

— Я взошел на трон не для того, чтобы хныкать, — прервал его король. — Если бы я потерял ногу при Амбионском холме, то приполз бы в Кингфонтейн, цепляясь руками. Мне не нужны няньки. Мне нужны верные люди. Все мои враги пали. За единственным исключением. — Он одарил Оуэна пронзительным, гневным взглядом. Тот быстро моргнул, впад в панику. — Как тебя зовут, мальчик?

Губы Оуэна не слушались. Оуэн знал, что они не шевельнутся. Он стоял, трепеща, прямо перед королем. Язык пересох так, что казалось, во рту у него песок.

Король раздраженно нахмурился, ожидая ответа, который нельзя было вырвать у мальчика даже пыткой. Голова Оуэна кружилась от ужаса, мышцы застыли от страха, оледенели, сделав ноги столь же беспомощными, как губы.

— Парня зовут Оуэн, — произнес Хорват своим грубым голосом. — И я не слышал от него ни слова с тех пор, как мы покинули Таттон-Холл.

— Немой? — Король Северн мрачно усмехнулся. — Отличное приобретение для двора. Здесь слишком уж шумно. — Он снова переместился на троне. — Как они восприняли новости в Таттон-Холле, Стив?

— Очень болезненно, как вы можете себе представить, — медленно выговорил Хорват.

Король усмехнулся.

— Могу. — Он снова перевел взгляд на Оуэна: — Твой старший брат был казнен в водопаде, потому что твой отец не был мне верен. Он не погиб в бою с честью, как сын этого благородного герцога.

Родители рассказали Оуэну о судьбе брата, и мальчик вздрогнул, представляя, как Йорганон срывается с водопада, привязан-

ный к лодчонке. Это была принятая в королевстве форма казни, хотя мальчик никогда ее не видел. Было ужасно думать, что такое может случиться и с другими родными.

— Его зять, — вставил Рэтклифф.

Король одарил Рэтклиффа презрительным взглядом.

— Как ты думаешь, Дикон, эта разница меня волнует? Муж его дочери погиб при Амбионском холме, и тем не менее он выполнил свой долг, охраняя это отродье, вместо того чтобы вернуться домой, утешить дочь и внучку. Его долг... — хрипло прошептал он, подняв вверх острый палец, как шип. — Долг полностью управляет им. Вот почему я ему доверяю, Рэтклифф. Вот почему я доверяю вам обоим. Вы помните тот стишок, который подкинули герцогу накануне битвы? «Стив Хорват, ты дерзок, но все равно хозяин твой Северн продан давно»*. Записку оставил в его палатке один из наших врагов, возможно, отец этого парня, чтобы смутить разум Стива сомнениями и страхом. Ты помнишь, что сделал Стив, Дикон?

Рэтклифф скрестил руки на широкой груди, во взгляде — раздражение.

— Любой мог оставить эту записку, мой сюзерен. Я до сих пор провожу расследование...

— Это имеет значение, Дикон? — вскипел король. — Это мог быть один из твоих шпионов, вполне допускаю. Это мог быть тот, кто отравил королеву. Хорват сразу отдал мне записку. Холодный, как лед с северного ледника, откуда он родом. Где его род правит веками. Долг. Верность. Это драгоценные камни, которые стоят дороже золота. — Он наклонился вперед и опустил ладони на свой кинжал, снова повторив этот жест — вытащил его наполовину,

* Парафраз эпиграммы, которую Шекспир приводит в «Ричарде III» — «Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно, хозяин твой Дикон продан давно» (перевод Анны Радловой). — *Прим. пер.*

прежде чем убрать обратно в ножны. Каждый раз, когда он это делал, Оуэн вздрагивал.

— Я тоже был при Амбионском холме, — сказал Рэтклифф, в голосе слышалась мольба. — Это мой шпион обнаружил предателя во время битвы.

Губы короля искривились в улыбке.

— Я не забуду этой доброй услуги, друг мой. Ты верен, поэтому я доверил тебе шпионскую службу, но я не забыл, что некоторые из этих людей пытались убить меня. — Он усмехнулся. — Хорват всегда был верен.

Лицо Рэтклиффа покраснело от гнева.

— Нечестно, мой господин, швырять это мне в лицо. Тогда не я возглавлял эту службу. Это сделал лорд-камергер, и вы отправили его в водопад за преступление.

— Я сделал это в гневе, — ответил король, откинувшись назад. Покачал головой. — Я должен был предать его суду. — Он разгладил камзол на груди, наруч поблескивал в свете факелов. — О, это были мрачные дни. Предательство на каждом углу. Мой брат Эредур не позволял посуде соскользнуть со стола. Но когда он умер, вся она рухнула. — Его лицо немного смягчилось, как будто память о брате до сих пор его ранила. Затем выражение лица ожесточилось, и он снова посмотрел на Оуэна.

— Ты мой заложник, — сказал он жестоким тоном. — Ты — залог верности своей семьи. Твой старший брат был заложником перед тобой, и он мертв. Если твоя мать думает, что я пощажу ребенка за их предательство... — Он умолк, а потом едва не зарычал от гнева: — Тогда они действительно не понимают решимости и строгости своего короля. Ты под моим надзором, Оуэн Кискаддон, и будешь делать то, что мне угодно. Ты останешься во дворце. — Он жестом обвел зал. — Теперь это твой дом. Бросай монеты в фонтан, мальчик, чтобы твои родители сохраняли мне верность. — Его лицо исказилось от с трудом подавляемого гнева. — Я чуть не каз-

нил и твоего отца в Амбионе. Но я учусь терпению. — Он усмехнулся, его губы изогнулись в бешеной ухмылке. — Будь уверен, я испытаю твоего отца, парень. Надеюсь, он дорожит твоей жизнью больше, чем жизнью твоего брата. Рэтклифф, мальчик под твоим попечением. Найди ему комнату и гувернантку. Я хочу видеть его каждый день за завтраком с другими детьми.

Оуэн вздрогнул. Он был слишком напуган, чтобы понять все, что говорил король, но одно было ясно: все было сложнее, чем объяснили родители. Они сказали, что король вызвал его во дворец, чтобы он был его подопечным. Теперь он увидел, что его передали другому человеку, который явно не любит детей. Они сказали ему не бояться, потому что во дворце много добрых людей. Это еще одна ложь. Он был смущен, напуган и тосковал по дому.

— Он... теперь моя проблема? — сказал Рэтклифф с явным разочарованием и горечью. — Я думал, что вы отдали его Хорвату!

Король посмотрел на потолок, как будто он искал источник терпения в стропилах.

— Он герцог Севера, Дикон! Его зять мертв, и он должен утешить свою дочь и внуков. Битва выиграна! Но я не успокоюсь, пока мы не добьемся мира в ближайшие месяцы! За последние два года у меня не было ничего, кроме неприятностей и бедствий! — Его голос превратился в гром. Он начал подниматься с трона, но почти мгновенно упал обратно. Наверное, нога причиняла ему боль. — Ты курируешь Разведывательную службу. Найди человека, чтоб он приглядывал за мальцом, вот все, что я требую! Ради Потока! Прекрати ныть!

Лицо Рэтклиффа было черно от ярости, но он промолчал. Король вздрогнул и уселся обратно на трон, сжав губы от гнева и боли.

Крепкая рука легла на плечо Оуэна. Мальчик поднял голову и увидел, что рука принадлежит Хорвату, который смотрел на него сверху вниз. Он ничего не сказал, но на лице его читалось сочувствие.

Рэтклифф быстро пришел в себя, хотя был все еще красен от оскорбления.

— Ладно, мой господин. Позвольте мне найти няньку для младенца, — саркастически произнес он.

Оуэн уже не был младенцем, но, к его ужасу, на глазах его выступили слезы, и он начал тихо плакать. Он только начал доверять Хорвату, и теперь этот человек уезжал на Север. Отныне опека над ним будет в руках Рэтклиффа, который принадлежал к тем нетерпеливым, яростным типам, которых Оуэн боялся больше всего. Его собственные родители отдали его в заложники королю, способному в одно мгновение наброситься даже на своих ближайших союзников.

— Он плачет? — с отвращением сказал Рэтклифф. — Ну, еще слезы, чтобы заполнить фонтаны. Вытри глаза, парень. Давай... прекрати это немедленно!

Маленькое сердце мальчика разрывалось на части, и он мог остановить слезы не лучше, чем водопад, ревущий снаружи.

— Прекрати! — рявкнул Рэтклифф, топнув ногой.

В зале раздался женский голос. Он был нежен и в то же время властен.

— Что нужно прекратить, милорды, так все эти вопли. Вы напугали бедняжку до безумия.

Оуэн обернулся, чтобы взглянуть на даму, но его глаза слишком опухли от слез, чтобы видеть лицо за ее длинными золотыми волосами. Она опустилась на колени перед ним и достала кружевной платок, которым вытерла глаза Оуэна. Затем убрала руку Хорвата с плеча Оуэна и на ее место положила свою маленькую руку. Расплывчатая картина стала более четкой, он увидел девушку немногим старше его сестры Джессики. У нее были зеленые глаза с голубыми крапинками и самое прелестное лицо, что он когда-либо видел.

Из всех мифов Кередигона самым распространенным был

миф о Владычице Потока. Девушка ласково улыбнулась, с сочувствием и теплом глядя ему в глаза. Она была воплощением легенды о Владычице — Госпоже мудрости, сострадания и непревзойденной доброты, способной повергнуть даже закаленного в боях рыцаря на колени силой своего присутствия. Как и в легенде, пришелица, казалось, усмирила бурю, которая бушевала всего несколько минут назад.

— Дядя, — сказала леди, глядя на человека на троне. — Позволь мне отвести мальчика на кухню и угостить медовым печеньем, пока лорд Рэтклифф занимается его обустройством. Ты согласишься?

Когда Оуэн случайно взглянул на короля, он был потрясен произошедшими с ним переменами. Буря гнева миновала, и мрачный взгляд смягчился, когда он посмотрел на племянницу. Его рука по-прежнему лежала на рукояти кинжала, но не пыталась его вытащить. Хмурое выражение сменилось легкой спокойной улыбкой.

— Если хочешь, Элиза, — сказал он, затем жестом показал, что отпускает их.

— Давай свою руку, — сказала леди, медленно поднимаясь и предлагая свою. Оуэн принял предложение с жадностью. Пальцы ее были восхитительно мягкими. Она была в платье из нежнейшего лавандово-голубого шелка и широком белом сюрко, схваченном золотым поясом.

Оуэн оглянулся на герцога, желая поблагодарить его, но все еще не мог говорить. Сохранять молчание было так больно!

Герцог смотрел в глаза Оуэна, выражение лица старика было нечитаемым для столь маленького мальчика. Из-за бороды нельзя было разглядеть очертания рта. Герцог кивнул Оуэну, словно извиняясь за свой отъезд. Оуэн отцепился от его плаща, служившего убежищем, и последовал за леди.

Глава четвертая

Кухарка и дворецкий

Вид дворцовой кухни вызвал улыбку на лице Оуэна — впервые после того, как он покинул дом. Точно так же, как на кухне в Таттон-Холле, здесь было шумно, многолюдно и интересно. Со вбитых в стены крюков свисали кольца колбас. Скамьи и столы были завалены лоснящейся рыбой и заставлены корзинами с зеленью. Была выгородка, где развешаны пучки специй. Потолки были сводчатыми, по всей кухне расставлены стулья, скамейки и столы. Повсюду сновали слуги — тащили фляги с вином, блюда с хлебом и сыром. Даже на пол, выложенный маленькими плитками, было интересно смотреть. На пороге хрустели охапки сосновых веток, но пол внутри был ровным и гладким, и Оуэн подумал, что здесь он сможет набрать плитки для своих игр.

— Ты улыбаешься! — восторженно произнесла Элиза, нежно сжимая его руку. — Тебе нравится кухня?

Он энергично кивнул, уставившись на женщину, которая вынимала из печи хлеб. Кухня была на нижнем этаже дворца, поэтому здесь были мощные опоры, способные поддерживать гигантский замок, но были и высокие окна, и они были открыты, впуская свет

и воздух. Они придавали кухне яркий и веселый вид, совершенно отличный от большого зала.

Элиза провела его через толпу поварят и служанок, подведя к женщине возле очага, которая поставила поддоны и выкладывала хлеб. Женщина была низенькая, с рыжевато-каштановыми волосами, выбивавшимися из-под чепца, и носила фартук до самого пола. На щеке у нее был небольшой шрам. Когда она увидела принцессу, ее глаза блеснули радостью.

— Что за счастье, принцесса! Вы украсили мой день. Ваша ма-тушка сияла красотой в свое время, но вы сияете еще ярче. А теперь глянем на тебя, мальчик. Чем порадуешь старую кухарку?

Принцесса Элиза была гораздо выше кухарки, но ласково обняла ее, прежде чем опуститься на колени рядом с Оуэном. Провела по его голове, что было немного щекотно, а затем взяла за плечи, словно представляя всем вокруг.

— Лиона, это Оуэн Кискаддон. Он гость во дворце и останется здесь.

Выражение лица кухарки стало еще радостней.

— Младший брат лорда Йорганона! Такой взрослый молодой человек! — весело сказала она. Задумчиво огладила подбородок. — Вам должно быть десять лет!

Оуэн раздурманился от удовольствия и покачал головой:

— Мне всего восемь.

— Восемь! Удивительно. Я бы не догадалась. Хотите медовое печенье, мастер Оуэн?

Он улыбнулся, осторожно кивнув. Она подмигнула ему, указывая следовать за ней. Подняла крышку с глиняной крынки и вытащила круглое плоское печенье с рифлеными полосками. Торжественно предложила ему, а затем поднесла другое печенье принцессе, также подмигнув ей.

Оуэн откусил кусочек и сразу понял, что захочет еще. Печенье было тонким, хрустящим снаружи и нежным внутри. Чувствовал-

ся вкус и меда, и патоки, и еще чего-то странного, ароматного, он не мог определить чего. Он жадно ел, наблюдая, как вокруг них кипит жизнь кухни — на плитах большие чаны с супом, куски сырого мяса, слуги режут соломкой морковь, картофель, тыкву и лук.

— Как поживает королева, ваша матушка? — тихо спросила Лиона у Элизы, понизив голос.

— С ней все хорошо, спасибо, — сказала Элиза, любезно улыбаясь. — Я видела ее вчера в святилище.

Лиона помрачнела.

— Я скучаю по ее величеству, — призналась она. — Какой это был великий дворец. Сколько пиров и балов, сколько дней рождения здесь праздновали! Замок стал совсем мрачным с тех пор, как король прибыл с Севера. Вот почему я отказываюсь закрывать окна. Нам нужно больше света. Даже цветок увядает без солнца.

Ее слова заставили Оуэна взглянуть на ближайшее окно, высоко над ними. Через него он видел, как поднимается один из шпиль замка. Это была стройная башня... та, которая навела его на мысль о кинжале. Он задумался, где ночует король. Легкий холодок пробежал по его спине при виде башни, возвышающейся над ними.

Он знал ответ прежде, чем доел медовое печенье.

— Ну у вас и аппетит! — сказала Лиона. Она была не намного выше его, и ему нравилось, что она такая маленькая. Она взъерошила его волосы. — Посмотрите на себя, Оуэн. Что это за полоса в волосах? Это мука? — Она коснулась белой пряди на его голове, и он наклонился к ней.

— Я тоже это заметила, — сказала принцесса. — Просто небольшая прядь... белая как снег. Я полагаю, когда волосы отрастут, это будет незаметно.

Сам Оуэн не особо задумывался о своих волосах, но люди всег-

да обсуждали эту метку. Волосы и волосы. Ну и что в этом странного?

Принцесса коснулась руки кухарки.

— Можно ли ему побыть здесь немного? Когда я вошла в зал, там все кричали, и, как я могу судить, он был испуган.

Кухарка неодобрительно покачала головой.

— Кричать перед таким молодым человеком — что за ужасные манеры! Оуэн, вы можете приходить ко мне на кухню так часто, как захотите. Ваш брат всегда был здесь желанным гостем. Если кто-то решит обругать вас, я его сама обругаю, будь то сам король! Никогда не серди кухарку, иначе молоко скиснет! Приходите сюда, когда вам будет страшно или одиноко. Ну же, Оуэн? Составите мне компанию?

Он улыбнулся, глядя на балки и висящие на кольшках горшки.

— Мне здесь нравится, — сказал он застенчиво, чувствуя себя намного спокойнее теперь, когда он был вдали от ярости короля. Оуэн не хотел встречаться с ним снова, но знал, что ему каждый день придется делить с ним завтрак.

Принцесса снова опустилась на колени рядом с Оуэном. Ее глаза были серьезными, и она ласково коснулась его, как будто знала его всегда.

— Лиона тебя всегда приветит. Пойду помогу мастеру Рэтклиффу выбрать тебе гувернантку. — Она погладила его по руке. — Я буду с тобой, Оуэн. И Лиона тоже. Здесь еще много... верных. — Она помедлила, прежде чем произнести последнее слово. Затем выпрямилась. Ее платье переливалось на свету, а лучи сияли в золотых волосах. Она выглядела как королева.

— Спасибо, — пробормотал Оуэн, не отрывая от нее взгляда. Ноздри Лионы сжались.

— Следующая порция хлебов готова. По запаху слышу. Я буду присматривать за мальчиком, принцесса. Не бойтесь. Нас здесь много. Он не окажется без пригляда. — Она бросила на Оуэна

интригующий взгляд. — Мой муж — лесоруб замка, — загадочно сказала она. — Он знает, где здесь лучшие места, и не будет против спутника в походах по окрестностям. Он решает, какое из королевских деревьев оставить, а какое срубить и пустить на дрова. Сейчас он в лесу, иначе бы сидел здесь, с кружкой пива в руках, положив ноги на бочку. Но, как вы видите, я держу кухню в чистоте, чтобы он знал, что грязные башмаки следует оставлять снаружи. Позвольте мне угостить вас еще! — Она снова подмигнула и быстро подошла к глиняной крынке с печеньем.

Подошла другая девушка, чтобы вынуть хлеб из духовки.

— Спасибо, Лиона, — сказала принцесса.

— Все, что угодно для семьи вашего высочества, — ответила Лиона. Ее взгляд был мрачным и серьезным. Она снова обняла Элизу.

— Теперь я должна позаботиться о том, чтобы найти подходящую гувернантку, — сказала принцесса, напоследок взъерошив волосы Оуэна.

Кухарка с тоской посмотрела на принцессу, когда та выходила из кухни, но, как только она ушла, выражение лица кухарки изменилось с задумчивого на раздраженное. Сердце Оуэна упало. Все это было притворством?

— А вот и он пришел, — ехидно сказала Лиона. — Достаточно, чтоб пудинг скис. Это королевский дворецкий, мастер Бервик. Он с Севера, Оуэн. Тамошним людям нельзя доверять. Мне жаль вашего лорда отца. Честно-честно. Я дала обещание, и я сдержу его. Я позабочусь о вас, молодой человек. На кухне вам всегда будут рады. — Она улыбнулась ему, чтоб подбодрить.

Стук сапог привлек внимание Оуэна. Быстро приближался, хрипя на ходу, морщинистый старик с дочерна загорелой кожей — высокий, толстый, с лысой макушкой, испещренной коричневыми пятнами, но его уши и шею окружали густые курча-

вые волосы. Он носил королевскую ливрею, черную с золотом, с эмблемой вепря.

— Глянь на ся, — насмешливо сказал он Лионе. — Стоишь бездельно пред ужином?

Оуэн всегда напрягался, чтобы понять людей с сильным северным акцентом. Как будто они слишком спешили, чтобы произнести все слоги в словах.

— Когда пирог с перепелиных яиц для хозяина приготовишь? Иль не начала?

Глаза Лионы сузились.

— У тебя нет дел, Бервик, что ты лезешь ко мне на кухню?

— Вмешался б, если б он осерчал. Хозяин нетерпелив и лентяев не любит.

— Называешь меня лентяйкой? — спросила она, ее голос стал жестче. — Ты представляешь, сколько нужно времени, чтобы накормить обитателей дворца такого размера? Сколько хлебов мы выпекаем за день?

— Пятьсот шесть, — сказал он с усмешкой и щелкнул пальцами. — Я подсчитываю мешки с мукой. Учityваю яйца и дрожжи. Я дворецкий короля и управлял его замком на Севере...

— Который был намного меньше этого, могу напомнить тебе, Бервик!

Оуэн уставился на высокого дворецкого. От него пахло чем-то странным — возможно, капустой.

Его взгляд привлек внимание старика.

— А это что за щенок? Еще чей-то папаша провалил дело?

— Это сын герцога Кискаддона, — сказала Лиона, притягивая Оуэна к фартуку. — И он не щенок, грубиян эдакий, а благородной крови.

Дворецкий с удивлением посмотрел на Оуэна.

— Пфе! — пробормотал он. — Малыш Кискаддон! Тогда мне его жаль. Старший брат закончил рекой.

Лиона явно рассердилась:

— Он подопечный короля. Что в этом жалкого?

Дворецкий фыркнул:

— Подопечный? Думаю, нет. Он заложник короля. Просто немного поболтал с герцогом Хорватом, прекрасным могущественным лордом, он ворочается на Север. Дни парня сочтены.

Выражение лица Лионы стало жестким, она побледнела.

— Прекрати подобные речи, — сказала она сердито. Жестом пригласила Оуэна сесть на ближайший ящик, а затем подошла к Бервику и о чем-то тихо заговорила с ним.

Оуэн сидел на ящике, и его радость от того, что он нашел кухню, стала угасать. От угроз снова разболелся живот. Несмотря на то что кухня была уютной, теплой и так чудесно пахла хлебом, он не мог отвести глаз от шпиля, похожего на кинжал, виднеющегося из окна. Казалось, король наблюдает за ним даже здесь.

— Следи за речами, ведьма! — сердито сказал Бервик. — Хозяин может вызвать нового повара с Севера, и что ты будешь делать? Но если ты не будешь спорить и сделаешь, как я говорю, все у тебя будет. — Он мрачно посмотрел на Оуэна и покачал головой, как будто мальчик уже был холодным куском дохлой рыбы.

Глаза Лионы вспыхнули гневом, когда она вернулась, энергично вытирая пальцы о передник. Быстро пробормотала что-то себе под нос.

— Мне нужно приготовить королевский ужин, — наконец сказала она, понизив голос. Оуэн заметил, что она больше не смотрела ему в глаза. — Раньше вокруг было больше резвящихся детей. Когда правили король и королева, все было по-другому. Это так, как Бервик, надо следить за речами. — Ее губы сжались. — Если бы Бервик знал, если бы он только знал... — Она бросила на мальчика заговорщический взгляд и еще понизила голос: — Ты боишься, Оуэн?

Он уставился на нее и молча кивнул.

Она поспешно подошла к другому столу, а затем принесла миску с мукой. Разбила яйцо и вылила желток в миску. Затем начала замешивать тесто своими сильными пальцами. Оуэн почувствовал, что она хочет сказать больше, поэтому просто ждал.

Она снова оглядела кухню, убедившись, что рядом никого нет.

— Мы с мужем часто гуляем по окрестностям, — сказала она тихо, почти шепотом. — Он знает про это лучше всех. Есть дверь привратника, которая всегда открыта. Всегда. — Она снова огляделась, и, когда продолжила, ее голос стал еще тише: — Оуэн, родители отправили тебя сюда не для того, чтобы тебя убили. У тебя есть друзья. Как принцесса. Как я. Мать принцессы находится в святилище Владычицы. Она там уже два года, с тех пор как брат ее мужа занял трон. Может, она поможет тебе, Оуэн. Ты знаешь, где находится святилище?

Оуэн уставился на нее, его сердце быстро забило.

— Мы миновали его... по дороге сюда.

— Да. — Она мяла тесто так, будто пыталась задушить Бервика. — Если ты войдешь в святилище, даже король не сможет заставить тебя выйти. Там ты будешь в безопасности. — Она оглянулась на переполненную кухню, ее взгляд с беспокойством метнулся туда-сюда. — Если ты смелый маленький мальчик.

Слабая искра надежды зажглась в его груди.

— Я смелый, — прошептал он, пристально глядя на нее. Но когда он посмотрел на нее, он снова увидел в окне башню, похожую на кинжал.

Я пришлый в Кередиционе, и я обнаружил, что политические интриги и дурная кровь почти непостижимы. Позвольте мне обобщить это следующим образом. Правящие дома этого королевства можно сравнить с членами большой семьи, которые яростно ненавидят друг друга. Личные обиды привели к основанию нынешней династии почти три столетия назад. Эта семья превратила войну друг с другом в искусство. Все враги короля Северна лежат в могилах, точнее, все враги-мужчины. Он по-прежнему враждует со вдовствующей королевой, женой брата, которая продолжает плести против него заговоры из святилища Владычицы. Но, по моим оценкам, ее сила и ее некогда великая красота сейчас слабеют. Я бы поставил на короля-горбуна. Ходят слухи, что он мечтает о своей племяннице, принцессе Элизе. Это отвратительные сплетни, распускаемые вдовствующей королевой. Не стоит обращать внимания.

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока